

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ СВЕАБОРГА

И БОМБАРДИРОВАНИЕ ЕГО

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМЪ ФЛОТОМЪ

28, 29 и 30 іюля 1855 года (*).

Первоклассная крѣпость Свеаборгъ находится подъ $60^{\circ} 8' 40''$ с. ш. и $25^{\circ} 00' 15''$ в. д. по меридіану отъ Гринича. Она расположена на скалистыхъ островахъ, которые, въ древности, имѣли общее названіе «Варгшхерскихъ». Восходя къ баснословнымъ временамъ Скандинавіи, нѣкоторые полагаютъ, что эти острова служили притономъ морскихъ разбойниковъ, называвшихся Варгурами, или Варграми; другіе же слово «варгшхерскій» объясняютъ соединеніемъ словъ: *варгъ*—волкъ, и *шхеры*, т. е. волчьи шхеры;

(*) Статья эта была составлена еще въ концѣ 1855 года, но не напечатана тогда же, частью изъ опасенія впасть въ тѣ погрѣшности, которыя почти всегда сопряжены съ выходомъ въ свѣтъ статьи-скороспѣлки, частью же для избѣжанія намековъ на пристрастіе, которое, въ то время, могло быть основаннымъ на справедливомъ негодованіи противъ враговъ дорогой намъ Россіи. Теперь, когда эти враги уже друзья наши, представляется возможность говорить о бомбардированіи Свеаборга, не опасаясь упрека въ пристрастномъ возрѣніи на этотъ эпизодъ минувшей войны. Мы надѣемся, что настоящій очеркъ не будетъ лишенъ занимательности для читателей «Военнаго Сборника».

Т. XV. Отд. II.

Лет.

17

наконецъ, ные утверждаютъ, что должно говорить «вагшерскій», а не «варгшхерскій», производя первое названіе отъ финляндскаго «*вагшеръ*», означающаго по русски «волчью порѣзъ». Не вдаваясь въ археографическое изслѣдованіе этого названія, скажемъ только, что, въ настоящее время, оно вышло изъ употребленія, и острова Свеаборга существуютъ подъ другими, совершенно отдѣльными названіями: Густавсъ-вердъ, Варгъ-энь, Стура-эстеръ-свартъ-э, Лилла-эстеръ-свартъ-э, Вестеръ-свартъ-э и Лонгернь. Кромѣ того, къ крѣпости причислены нынѣ острова: Скандландъ, Кунгсъ-гольмъ и Сандгамнь (*). Природа будто нарочно раскинула эти острова, для прикрытія лучшей во всей Финляндіи гавани (нынѣ Гельсингфорской). Шведское правительство, однако, долгое время не оцѣнивало по достоинству выгодъ такого естественнаго расположенія мѣстности и оставляло безъ вниманія эти природныя удобства; только въ 1650 г. шведскій король Густавъ I (Ваза), желая улучшить тогдашнее состояніе Финляндіи, основалъ новый городъ при впаденіи небольшой рѣчки Ванды въ Финскій заливъ, въ семи верстахъ отъ нынѣшняго Гельсингфорса. Первоначальное названіе этого города, «Гельсингъ», взято было отъ имени одной изъ провинцій Швеціи, Гельсингландіи, и уже, впоследствии, отъ водопада, образуемаго Вандою, при своемъ устьѣ, прибавили къ нему слово: «форсъ» (водопадъ). Такимъ образомъ произошло названіе *Гельсингфорсъ*. По мѣрѣ того, какъ новый городъ отстраивался и населялся, постепенно возрастала, съ увеличеніемъ числа его жителей, и торговля его, дѣятельность которой встрѣтила препятствія для своего болѣе успѣшнаго развитія въ мелководіи гавани. Управлявшій тогда Финляндію, въ малолѣтство королевы Христины, генераль-губернаторъ Петръ Браге, понялъ этотъ важный недостатокъ и, содѣйствуя общественной пользѣ, исходатайствовалъ у шведскаго правительства декретъ о перенесеніи города на полуостровъ Эстнестскій, на которомъ расположенъ теперь Гельсингфорсъ. Три года спустя, желаніе заботливаго губернатора увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: городъ перемѣстил-

(*) Густавсъ-вердъ—по русски: мечъ Густава; варгъ-энь — волчій; Стура-эстеръ-свартъ-э—большой-восточный-черный; Лилла-эстеръ-свартъ-э—малый-восточный-черный; Вестеръ-свартъ-э — западно-черный; Лонгернь—длинный орелъ; Скандландъ—укрѣпленная земля; Кунгсъ-гольмъ — королевскій; Сандгамнь — песчаная пристань.

ся окончательно и, вмѣстѣ съ хорошею гаванью, получилъ большія торговыя выгоды. Съ тѣхъ поръ торговля, перейдя изъ стараго Гельсингфорса въ новый, расширила кругъ своихъ дѣйствій, а первоначальный городокъ, упадая годъ отъ году, обратился наконецъ въ небольшую деревню, сохранившую до сихъ поръ названіе «Стараго Города». По плану 1696 года, видно, что Гельсингфорсъ, въ то время, занималъ уже всю, находящуюся подъ нимъ нынѣ, мѣстность.

Первыя военныя дѣйствія около Гельсингфорса открылись въ началѣ мая 1713 г., когда Петръ Великій подошелъ къ городу съ гребною флотиліею. По приказанію царя, бригадиръ Чернышевъ долженъ былъ сдѣлать высадку съ западной стороны города и оттуда бомбардировать его. Вслѣдствіе того Шведы укрѣпили Гельсингфорсъ батареями и ретраншаментомъ (то были первыя фортификаціонныя постройки около Гельсингфорса); потомъ, не имѣя возможности сопротивляться русскимъ войскамъ, они зажгли городъ и отступили въ Борго. Петръ отправился туда съ гребною флотиліею, сдалъ тамъ начальство надъ войскомъ генераль-адъютанту Апраксину и, отрядивъ контръ-адмирала Боциса, съ 30 галерами, къ Гельсингфорсу, самъ поспѣшно уѣхалъ въ Петербургъ, для скорѣйшаго снаряженія всего корабельнаго флота. Апраксинъ укрѣпилъ Гельсингфорсъ и проходы въ его гавани, изъ которой шведскій флотъ выступилъ въ Тверминдъ. 6 августа того же года, Петръ снова прибылъ къ Гельсингфорсу и, принявъ, въ званіи генераль-аншефа, командованіе арміею, выступилъ, 17 августа, противъ шведскаго отряда, занявшаго дефиле при деревнѣ Карелъ. Вытѣснивъ Шведовъ изъ этой позиціи и не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, онъ быстро двинулся къ Або, взялъ его и 8 сентября возвратился въ Гельсингфорсъ; но чрезъ два дня государственныя заботы снова отозвали его въ Петербургъ. Апраксинъ, вторично оставшись главнокомандующимъ, своими искусными маневрами, принудилъ Шведовъ вступить въ сраженіе и одержалъ надъ ними, 6 октября, при Тавастгусъ, блистательную побѣду. Слѣдствіемъ такого успѣха было то, что Шведы очистили всю южную Финляндію.

Въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, опять послѣдовалъ разрывъ между Россіею и Швеціею. Несмотря на неудачи свои въ первую войну, Швеція не укрѣпляла еще ни Гельсингфорса, ни Варгшхерскихъ острововъ; подступъ во внутрь

Финляндіи не представлялъ никакихъ искусственныхъ преградъ, и 17,000 армія Левенгаупта, окруженная при Гельсингфорсѣ, въ 1741 году, русскими войсками со всѣхъ сторонъ, т. е. какъ съ суши, такъ и съ моря, не имѣя возможности вступить въ открытую борьбу съ сильнѣйшимъ непріателемъ и не находя средства къ спасенію, сдалась на капитуляцію, заключенную въ Хоплингѣ, 4 сентября 1742 года. Въ слѣдующемъ году, въ августѣ, подписанъ былъ абоскій договоръ, по которому уступлена Россіи Кюменгородская область, съ крѣпостями: Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ и Нейшлотомъ. Лишившись этихъ крѣпостей, Швеція съ ними вмѣстѣ потеряла послѣднюю надежную защиту для Финляндіи, въ случаѣ новой войны съ Россіею, и потому стала заботиться объ огражденіи оставшихся въ ея власти финляндскихъ предѣловъ. Передовымъ пунктомъ новыхъ береговыхъ укрѣпленій избранъ былъ городъ Ловиза, предъ которымъ вскорѣ же построили тогда небольшую крѣпость Свартъ-гольмъ, состоящую изъ каменной оборонительной казармы, со дворомъ внутри, и изъ землянаго фронта бастионнаго расположенія. Главнымъ же, запаснымъ и сборнымъ пунктомъ назначенъ былъ Гельсингфорсъ, и тутъ-то въ первый разъ шведское правительство обратило вниманіе на Варгшхерскіе острова. Первоначальный проектъ возведенія Свеаборга былъ чрезвычайно обширенъ: кромѣ укрѣпленій на шести, перечисленныхъ выше, островахъ (первыхъ шести), предполагалось еще окружить самый Гельсингфорсъ двѣнадцатью бастионными фронтами съ цитаделью и отдѣльными фортами, расположенными по сторонамъ города, на высотахъ Бробергета и Ульрикасборга, а также на командующихъ точкахъ Кольфгольма и Скандсланда. Затѣмъ, въ 1746 г., приступлено было къ вырубкѣ лѣса на Варгшхерскихъ островахъ и заложена варгшхерская кастель (укрѣпленіе бастионнаго вида), переименованная послѣ въ Густавсъ-вердъ. По сторонамъ воротъ этого укрѣпленія, названныхъ Королевскими, вѣдланы были мраморныя доски съ надписями на шведскомъ языкѣ, сохранившіяся до сихъ поръ, какъ и самое названіе воротъ. Вотъ эти надписи:

Налѣво.

«Здѣсь король Фридрихъ велѣлъ положить первый камень
«1748 года.»

Направо.

«И король Густавъ положилъ
«жилъ послѣдній камень.»

Немного ниже.

«Свеаборгъ, прилежащій съ «одной стороны къ морю, а съ «другой къ берегу, даетъ мудро- «му обладаніе надъ моремъ и «сушею.»

«Эти Варгшхерскіе острова «изъ пустыни обращены въ «Свеаборгъ. Строителемъ Гу- «ставсъ-вердскаго укрѣпленія «былъ инженеръ Кюбленбекъ. «Потомство! стой здѣсь на сво- «ей землѣ и не надѣйся на чужую «помощь.»

Надъ воротами со стороны Варгъ-эна также вставлена доска съ шведскою надписью, слѣдующаго содержанія:

«Сила, рвеніе и согласіе Бьернеборгскаго и Тавастгусскаго «полковъ воздвигли своему отечеству эту защиту и себѣ этотъ «памятникъ.»

Эти надписи важны тѣмъ, что по нимъ мы можемъ судить не только о времени заложения Свеаборга, но и о средствахъ, которыми воздвигалась эта твердыня. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, въ Швеціи существовали двѣ партіи: *Гаушаръ* и *Мёссоръ* (шляпы и шапки), враждебныя отношенія которыхъ до того беспокоили правительство, что оно почти не обращало вниманія на сооруженіе новой крѣпости. Тѣмъ большая принадлежитъ честь инженеру Кюбленбеку, который выстроилъ неприступный Густавсъ-вердъ съ помощію только двухъ армейскихъ полковъ.

Шведскій король Фридрихъ, находя первоначальный проектъ Свеаборга дѣйствительно огромнымъ, приказалъ, въ 1750 году, своему фельдмаршалу графу Эренсверду составить другой проектъ построения крѣпости, назначавшейся собственно для обороны Гельсингфорскаго рейда, и, приступивъ къ осуществленію этого новаго проекта, наблюдать за производствомъ крѣпостныхъ работъ. Эренсвердъ сдѣлалъ слѣдующія предположенія: Варгъ-энь назначилъ онъ центральнымъ укрѣпленіемъ; Густавсъ-верду дана была оборона фарватера, идущаго по восточную его сторону; Вестеръ-свартъ-э и Лонгернъ должны были дѣйствовать по проходамъ съ западной стороны Варгъ-эна; Стура-эстер-свартъ-э и Ли.ла-эстеръ-свартъ-э, кромѣ поддерживанія собою вышеозначенныхъ острововъ, имѣли цѣлью оборонять рейдъ. Прочіе же проходы къ рейду назначено было загрузить и по берегамъ ихъ построить батареи.

Когда этотъ проектъ былъ утвержденъ, Эренсвердъ съ усердіемъ принялся за исполненіе его и, собственнымъ примѣромъ поощряя подчиненныхъ, заставлялъ ихъ забывать тѣ величайшіе труды и лишенія, съ которыми было сопряжено построеніе Свеаборга. Недостатокъ въ жилищахъ, прѣсной водѣ и часто даже въ самой пищѣ не могъ остановить усердной дѣятельности солдатъ, и всѣ они, до послѣдняго, единодушно стремились къ великой цѣли. Въ 1752 году, начаты укрѣпленія на островѣ Варгъ-энѣ; между тѣмъ, Эренсвердъ лишился вскорѣ одного изъ лучшихъ своихъ сподвижниковъ — неутомимаго Кюбленбека. Онъ умеръ, 25 октября 1753 года, оплакиваемый Шведами; имя его увѣковѣчено въ неприступномъ Густавъ-вердѣ. Тамъ одна изъ теналей, по приказанію Эренсверда, названа была, въ память великаго инженера, «теналью Кюбленбекъ». На ней выбита надпись:

«Внѣшій веркъ Кюбленбекъ. Въ честь Кюбленбека, въ труднѣйшія времена неутомимо содѣйствовавшего мнѣ, при положеніи основанія Свеаборга. Онъ умираетъ во время работы, и Провидѣніе позволяетъ мнѣ воздать ему благодарную память. «Свеаборгъ, 25 октября 1753 года. Августинъ Эренсвердъ.»

Въ томъ же году заложено семи-бастионное укрѣпленіе на Ульрикасборгѣ (*), а въ 1756 году окончены главные верки на Варгъ-энѣ. Одновременно съ этимъ устроены, на Стура-эстеръ-Свартъ-э, портъ для гребнаго флота, съ арсеналами, магазинами и мастерскими. Между портомъ и Варгъ-эномъ сдѣланы, для починки судовъ всякаго рода, три дока, расположенные по одному направленію. Первый изъ нихъ, смежный съ проливомъ, раздѣляющимъ острова Вестеръ-свартъ-э и Варгъ-энѣ, былъ устроенъ для кораблей. Вода изъ него, въ случаѣ надобности, выкачивалась посредствомъ механизма, весьма похожаго своимъ устройствомъ на вѣтряную мельницу. Позади корабельнаго, тянулся галерный докъ, отдѣленный отъ перваго перемычкою; онъ осущался конно-отливною машиною, которая нынѣ въ бездѣйствіи. Далѣе, за галернымъ докомъ, находился еще небольшой докъ, для починки мелкихъ судовъ; съ одной стороны въ немъ сложена была кирпичная стѣна съ воротами, а съ другой — сдѣланъ спускной шлюзъ. Недалеко отъ шлюза былъ выстроены мага-

(*) Укрѣпленіе это было впоследствии оставлено.

зинъ для храненія такелажа и артиллерійскихъ вещей, съ краномъ для поднятія мачтъ, а напротивъ его—набережная, для склада якорей, такъ что суда, въ разстояніи менѣе одного кабельтова (100 саж.), снабжались всѣми принадлежностями и, вышедши изъ дока, могли быть, въ короткое время, приготовлены къ выходу въ море.

Вдоль всей восточной стороны доковъ, возведена, со дна моря, небережная, на которой сложена каменная стѣнка, отдѣляющая доки отъ порта. Набережная эта, служащая вмѣстѣ и плотиною, весьма замѣчательна по своей громадности и необыкновенной прочности. Она названа Тунберговою, по имени ея строителя. На ней, со стороны доковъ, видны двѣ надписи:

Первая:

«Плотина Тунберга, возведена изъ бездны Дальскимъ и Остготскимъ пѣхотными полками.»

Вторая:

«Безъ Тунберга Эренсвердъ не построилъ бы этой плотины.»

Съ 1760 по 1763 годъ, крѣпостныя работы были остановлены, по случаю отбытія Эренсверда въ Померанію, куда его отозвали для командованія шведскою арміею, въ войнѣ противъ Пруссаковъ. Опытъ этой войны убѣдилъ его въ необходимости имѣть для прибрежной арміи мелководныя суда, вооруженныя орудіями большаго калибра, и, притомъ, имѣть эти суда такимъ образомъ, чтобы они не составляли ничего общаго съ корабельнымъ флотомъ, потому что тактическія дѣйствія кораблей и галеръ весьма различны. По предложенію Эренсверда, галерная флотилія отдѣлена была отъ корабельнаго флота и получила назначеніе слѣдовать по прибрежью за сухопутнымъ войсками, чтобы прикрывать и поддерживать ихъ дѣйствія. Организованная такимъ образомъ, она получила названіе армейскаго флота и вошла въ вѣдѣніе Эренсверда. Желая дать судамъ ея лучшую конструкцію, Эренсвердъ вызвалъ изъ Швеціи опытныйшаго корабельнаго мастера Чапмана (впослѣдствіи вице-адмирала и извѣстнаго военнаго писателя) и присутствовалъ самъ при постройкѣ геммамъ, шебекъ, яхтъ, канонирскихъ лодокъ, іоловъ и другихъ мелкихъ судовъ. Даже чертежи для этихъ сооруженій Эренсвердъ составлялъ большею частію самъ. Первое судно, по-

строенное въ Свеаборгѣ, было геммамъ «Одень», что можно заключить изъ надписи, находящейся въ докѣ:

«Геммамъ Одень заложенъ въ семь докѣ въ 1764 году, и «входъ къ доку начали проламывать въ то же время. Въ августѣ «оба были готовы, и геммамъ участвовалъ въ осеннихъ маневъ-«рахъ съ прочею флотиліею» (*).

Въ 1764 году, для управленія армейскимъ флотомъ, учреждено особое адмиралтейство—на Стура-эстеръ-свартъ-э, поблизости отъ доковъ. Въ слѣдующіе затѣмъ два года, строеніе крѣпости продолжалось безостановочно; на островахъ Стура-эстеръ-свартъ-э, Лилла-эстеръ-свартъ-э и Лонгернѣ начаты были обширныя укрѣпленія, что видно изъ плана, снятаго русскимъ лейтенантомъ Стибольтомъ, въ 1767 году, во время крейсерства его на кадетскомъ фрегатѣ, вблизи Свеаборга.

Въ 1766 году, успѣхи Эренсверда возбудили зависть въ партіи, господствовавшей въ то время при стокгольмскомъ дворѣ. По проiscaмъ ея, шведскій сенатъ предписалъ остановить возведеніе Свеаборга, находя, что восточныя границы Швеціи не нуждаются болѣе въ укрѣпленіяхъ. Поэтому выдача денегъ на крѣпостныя работы была прекращена, а Эренсверда отставили отъ должности и обвинили даже въ излишней тратѣ казенныхъ денегъ. Четыре года производилась ревизія суммъ, употребленныхъ на построеніе Свеаборга (сооруженіе его стоило 68½ бочекъ золота, или 1,647,973 р. сер.), и хотя послѣ того комиссія нашла, что ни одного шиллинга не было издержано безъ пользы, и оправдала Эренсверда, но неблагодарность правительства глубоко тронула великаго мужа и была причиною его ранней смерти.

Въ 1772 году, со вступленіемъ на престолъ Густава III, построеніе Свеаборга возобновилось съ прежнею дѣятельностію; но Эренсверда уже не было. Вотъ, между прочимъ, относящійся къ этому времени эпизодъ, въ которомъ видѣнъ отпечатокъ скандинавскаго удалства. Извѣстно, что перемѣна въ государственномъ правленіи, произведенная Густавомъ III, породила въ Швеціи множество недовольныхъ. Слѣдствіемъ этого было раздѣленіе подданныхъ на двѣ партіи, изъ которыхъ только одна

(*) Одень взятъ былъ Русскими въ 1789 году, въ сраженіи при Свенсундѣ, а въ 1790 году отнятъ обратно Шведами; наконецъ, въ 1808 году, онъ взятъ былъ вторично Русскими и по ветхости разломанъ въ томъ же докѣ, гдѣ былъ построенъ.

осталась вѣрною королю. Тогдашній комендантъ Свеаборга принадлежалъ къ противной партіи и, по своей силѣ, могъ имѣть большое вліяніе на общественное спокойствіе. Желая лишить инсургентовъ столь важнаго сообщника, король приказалъ барону Спренгпортену, во что бы то ни стало, овладѣть Свеаборгомъ. Отважный баронъ употребилъ для этого слѣдующую хитрость: поздно, въ бурную ночь, когда не было возможности слышать слова, сказаннаго въ нѣсколькихъ шагахъ, Спренгпортенъ, вмѣстѣ съ своими драгунами, подкрался на лайбахъ къ Свеаборгу и, пользуясь оплошностію коменданта, не выставившаго усиленной ночной цѣпи часовыхъ, перелѣзъ черезъ крѣпостную стѣну. Неожиданность и быстрота этого нападенія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: весь внутренній караулъ былъ снятъ и самъ комендантъ арестованъ въ постели. Кромѣ награды за такой безпримѣрный подвигъ, одинъ изъ полубастіоновъ, входящихъ въ составъ горнверка Гессенштейнъ (на Стура-эстеръ-свартъ-э), названъ былъ именемъ Спренгпортена.

Въ 1777 году, въ память незабвеннаго Эренсверда, Густавъ III заложилъ на Стура-эстеръ-свартъ-э кронверкъ Эренсвердъ, во внутренности котораго помѣщены были послѣ адмиралтейство и всѣ мастерскія порта. Кромѣ того, въ 1783 году, во второе свое посѣщеніе Свеаборга, Густавъ III приказалъ перенести бранные останки Эренсверда на одну изъ варгенскихъ площадей (нынѣ Комендантскую) и воздвигнуть покойному памятникъ на его новой могилѣ. Въ 1787 году, къ третьему прибытію Густава III въ Свеаборгъ, этотъ памятникъ былъ совершенно оконченъ. Онъ представляетъ четырехугольный гранитный пьедесталъ, поставленный на возвышеніи трехъ ступеней. Изъ боковъ пьедестала выдаются бронзовые носы галеръ, а сверхъ его, на простомъ, но красивомъ бронзовомъ карнизѣ лежатъ: готтскій щитъ, шлемъ и мечъ, также изъ бронзы. По срединѣ щита вьется лента, раздѣляющая его на два поля; на верхнемъ полѣ находится надпись: «гребной флотъ», а на нижнемъ — цѣпь и звѣзда ордена Серафима. На пьедесталѣ высѣчены надписи:

Съ одной стороны:

«Здѣсь покоится графъ Августинъ Эренсвердъ, фельдмаршалъ, кавалеръ и командоръ ордена его королевскаго величества, окруженный своими твореніями: Свеаборгскою крѣпостію «и аршейскимъ флотомъ.»

Съ другой:

«По повелѣнію и по собственному начертанію Густава III, «воздвигнуть въ 1788 году, чтобы памятію полководца—гражданина одушевлять умъ и сердце каждаго любовью ко благу отечества.»

Подлѣ памятника находятся бронзовые солнечные часы. Замѣчательно, что, несмотря на множество бомбъ и ракетъ, падавшихъ во время бомбардированія крѣпости союзнымъ флотомъ, 28 и 29 іюля 1855 года, на Комендантскую площадь,—бомбъ и ракетъ, которыми разрушены почти всѣ находящіяся кругомъ ея строенія, памятникъ Эренсверда остался невредимъ, хотя вся площадь имѣетъ не болѣе 20 саж. въ діаметрѣ.

Не доказательство ли это того, что само Провидѣніе, по видимому, охраняло могилу знаменитаго мужа, желая передать память о немъ отдаленному потомству?

По открытіи, въ 1788 году, военныхъ дѣйствій между Россією и Швецією, послѣ морскаго сраженія при Свензундѣ, 6 іюля, Швеція имѣла случай еще болѣе убѣдиться въ чрезвычайно важномъ значеніи Свеаборга въ военномъ отношеніи: за этою крѣпостію скрылся флотъ, отступившій, подъ командою герцога Зюдерманландскаго, брата Густава III. 26 числа того же іюля, укрылись въ него еще три корабля; четвертый же, шедшій съ ними вмѣстѣ, сталъ нечаянно на мель и былъ сожженъ Русскими. Адмиралъ Грейгъ, преслѣдовавшій герцога Зюдерманландскаго, остановленъ былъ твердынями Свеаборга и, не имѣя возможности окончательно истребить шведскій флотъ, принужденъ былъ ограничиться одною блокадою, въ которой и держалъ его до глубокой осени. Весною слѣдующаго года, шведскій флотъ снова вышелъ въ море, но, дойдя до мыса Поркалаудда (около 40 верстъ отъ Свеаборга), наткнулся на русскія суда и поспѣшно отступилъ къ Гельсингфорсу. Черезъ годъ, то есть въ 1790 году, 10 іюля, въ сраженіи при Березовыхъ островахъ (Біоркъ-э), Шведовъ постигло новое несчастіе: они потеряли семь кораблей, три фрегата и большое число галеръ. Остатки разбитаго флота поспѣшно устремились отсюда опять къ Свеаборгу и скрылись въ этомъ надежномъ убѣжищѣ. Такимъ образомъ, Свеаборгъ, послѣ каждой неудачи шведскаго флота, укрывалъ его за своею каменною грудью и избавлялъ отъ совершеннаго истребленія. Извѣстно, что, вскорѣ послѣ березовскаго

дѣла, заключенъ былъ миръ между Россією и Швецією. Это произошло 3 августа 1790 года.

Въ 1808 году, Финляндія снова сдѣлалась театромъ войны. Отрядъ генераль-маіора графа Орлова-Денисова, преслѣдуя шведскія войска, отступившія въ Свеаборгъ, первый подошелъ къ Гельсингфорсу и, послѣ непродолжительнаго боя, взялъ его. 124 человекъ плѣнныхъ, 19 орудій, изъ которыхъ 6 оказались заряженными, 20,000 ядеръ, 4,000 бомбъ, болѣе 5,000 штукъ бѣлаго оружія, множество шанцевыхъ и лабораторныхъ инструментовъ, пороховые и хлѣбные запасы были трофеями побѣдителей. 20 февраля того же 1808 года, прибылъ въ Гельсингфорсъ главнокомандующій русскою армією, графъ Буксгевденъ. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, онъ отправился вскорѣ въ Або. По приказанію Буксгевдена, генераль-маіоръ Раевскій, съ отрядомъ изъ Кременчугскаго и 31 егерскаго полковъ, эскадрона гродненскихъ гусаръ и 50 казаковъ, назначенъ былъ для охраненія Гельсингфорса и предварительной блокады Свеаборга, до прибытія генераль-лейтенанта графа Каменскаго, подъ начальство котораго, кромѣ помянутаго отряда, поступили впоследствии еще 17 пѣхотная дивизія и вся кавалерія, занявшая Гельсингфорсъ. Войска эти были усилены потомъ 14 пѣхотною дивизією, Петровскимъ, Перновскимъ и Минскимъ пѣхотными полками, минерною ротою и осадною артиллерією. 2 марта, Буксгевденъ снова прибылъ въ Гельсингфорсъ и, послѣ окончательной рекогносцировки свеаборгскихъ укрѣпленій, на другой же день, приступилъ къ осадѣ. Вслѣдствіе этого, немедленно построены были осадныя батареи на слѣдующихъ пунктахъ, окружающихъ Свеаборгъ: на мысѣ Скатуденъ—батарея, состоявшая изъ 4 пушекъ и 4 единороговъ; около мыса Ульрикасборга—изъ 6 пушекъ. Прежнія же батареи были исправлены. На нихъ находилось орудій: на островѣ Стура-Рентанъ — 6 пушекъ, на островѣ Кальфгольмъ — 4 мортиры, на островѣ Сандгамнъ — 5 пушекъ и 3 мортиры, на островѣ Кунгсъ-гольмъ — 4 пушки, по разнымъ мѣстамъ острова Скандсланда—21 пушка, 20 мортиръ, 2 гаубицы и 2 единорога.

Въ крѣпости было тогда около 8,000 гарнизона, до 400 орудій, на 4 мѣсяца продовольствія и половина армейскаго флота. Комендантомъ ея былъ вице-адмиралъ графъ Кронштедтъ.

Осаждающіе открыли сначала огонь только съ трехъ батарей (первыхъ трехъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ показаны выше); об-

щее же бомбардированіе началось 8 марта. Такъ какъ крѣпость не могла вредить нашимъ батареямъ, не вреда, въ то же время, Гельсингфорсу, то и предложено было Кроншtedту, для спасенія города, не стрѣлять съ тѣхъ верковъ, которые обращены къ городу. Взамѣнъ этого, Буксгевденъ общалъ, съ своей стороны, также не стрѣлять съ батарей Скатудена и Ульрикасборга. Это предложеніе было принято, и Гельсингфорсъ, такимъ образомъ, сдѣлался какъ бы нейтральнымъ. Съ 10 марта, по отбитіи главнокомандующаго въ Або, осадюю управлялъ инженеръ-генераль-лейтенантъ Сухтеленъ; 13 марта онъ вступилъ въ переговоры, а 21 марта заключено перемиріе. Наши войска заняли укрѣпленія Лилла-эстеръ-свартъ-э и Вестеръ-свартъ-э. Въ «Описаніи Финляндской войны на сухомъ пути и на морѣ, въ 1808 и 1809 годахъ», соч. генераль-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, на стр. 49, помѣщено отношеніе графа Буксгевдена къ военному министру графу Аракчееву, объясняющее взятіе Свеаборга:

«Наконецъ — писалъ Буксгевденъ — чтобы имѣть успѣхъ въ моихъ предположеніяхъ, употребилъ я для того посредство людей, которыхъ расположеніе удалось мнѣ пріобрѣсти въ гарнизонѣ. Вы видите, какими средствами была мнѣ возможность найти нужные намъ способы. Они намъ довольно дороги и еще будутъ дороже; но всѣ сіи издержки не могутъ никогда идти въ какое либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какое можемъ сдѣлать съ покореніемъ Свеаборга. Я употреблялъ доселѣ экстраординарную сумму. Она теперь кончилась; а какъ вы видите, что впослѣдствіи надобно мнѣ будетъ сдѣлать гораздо важнѣйшія издержки, то прошу прислать мнѣ для таковыхъ секретныхъ расходовъ отъ 25 до 30,000 рублей.»

Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ:

«Государь Императоръ надѣется, что если, стараніемъ и опытностію вашею, сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько военную пружину, то и окончательное уничтоженіе оной, кажется, исполнится.»

Изъ этой переписки можно заключить, что взятіемъ Свеаборга мы обязаны собственно дипломатическимъ дѣйствіямъ графа Буксгевдена. 25 того же марта, подписана на островѣ Лонновѣ (на Гельсингфорскомъ рейдѣ), конвенція о сдачѣ крѣпости, и къ 22 апрѣля сданы, одинъ за другимъ, всѣ острова

Свеаборга. Русскій флагъ поднять на Густавсъ-вердѣ 26 апрѣля, при молебствіи и 101 пушечномъ выстрѣлѣ. Военнымъ губернаторомъ и главнымъ командиромъ свеаборгскаго порта назначенъ былъ вице-адмиралъ Сарычевъ.

По взятіи крѣпости, весь гарнизонъ ея, въ числѣ 7,503 человекъ, сданъ военноплѣннымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдители получили:

Военныхъ судовъ 110, въ томъ числѣ: 28-пушечныхъ гребныхъ фрегатовъ—2, 24-пушечныхъ шебекъ—6, яхтъ—5, и канонирскихъ лодокъ—25; орудій: мѣдныхъ — 58, чугунныхъ — 1,975; ружей, карабиновъ и мушкетовъ — 8,680; ядеръ, бомбъ и гранатъ—340,000; зарядовъ въ картузахъ — 9,535; бочекъ съ порохомъ—3,000.

Сверхъ того, взято много бѣлаго оружія, аммуниціи, артиллерійскихъ принадлежностей и хлѣбныхъ запасовъ.

Съ 1808 года, находясь подъ могучимъ скипетромъ Россіи, Свеаборгъ улучшался съ каждымъ годомъ и въ 1818 г. утверждень въ первомъ классѣ (*). Кромѣ многихъ сооружений по усиленію его обороны, устроены были въ немъ прекрасныя цистерны (едва ли не лучшія въ Европѣ), для очищенія и храненія дождевой воды, а въ 1853 году освящена православная церковь, построенная въ ново-византійскомъ стилѣ, во имя св. Александра Невскаго. Знатоки военнаго дѣла называли Свеаборгъ Гибралтаромъ Финскаго залива, и слава его неприступности такъ укorenилась, что англо-французскій флотъ, блокируя, въ послѣднюю войну, при-балтійскіе порты, почти полтора года не рѣшался вступить въ рѣшительную борьбу съ свеаборгскими твердынями. Адмиралъ Непиръ, правда, отправляясь въ Балтику съ многочисленнымъ флотомъ, одушевлялъ сердца Англичанъ многими надеждами, но скалы Свеаборга видѣли адмирала только на почтительномъ отъ себя разстояніи. Разъ, впрочемъ (въ Духовъ день 1854 года), онъ подошелъ было къ Свеаборгу съ 16 судами большаго ранга; но и тогда эскадра его остановилась не ближе восьми верстъ отъ крѣпости. Послѣдовавшее затѣмъ построеніе ея въ боевой порядокъ, очевидно, имѣло цѣлью встревожить защитниковъ Свеаборга, хотя, въ сущности, не помѣшало даже гуляню, назначенному въ тотъ день, по случаю праздника, въ общественномъ саду. Дамы спокойно смотрѣли на эво-

(*) У насъ крѣпости, по своему значенію въ военномъ отношеніи, разделяются на три класса; первый классъ — высшій.

люціи эскадры, которую уже привыкли считать какъ бы необходимою принадлежностію картины моря.

Въ слѣдующемъ затѣмъ году, когда англо-французскій флотъ состоялъ подъ непосредственнымъ начальствомъ другаго адмирала, Дондаса, также сначала не было предпринято противъ Свеборга ничего рѣшительнаго. Наконецъ, послѣ того, какъ неудовольствія Англичанъ и Французовъ на дѣйствія флота въ Балтикѣ стали обнаруживаться въ печатномъ словѣ, Дондасъ положилъ заключить кампанію 1855 года какимъ нибудь болѣе рѣшительнымъ дѣйствіемъ. Съ этою цѣлю и, вѣроятно, желая предварительно испытать силу нашей позиціи, а главное—дальность нашихъ снарядовъ, онъ прислалъ, 10 іюня, къ Свеборгу паровой фрегатъ, который, поровнявшись съ островомъ Сандгамномъ, въ двѣнадцатомъ часу утра, открылъ по батареямъ его батальный огонь. Но такая попытка обошлась фрегату не совсемъ дешево: моряки, находившіеся на батареяхъ Сандгамна, поставили себѣ, разумѣется, въ пріятную обязанность, не остаться въ долгу на привѣтствіе, и, вскорѣ по открытіи пальбы съ батарей, одна изъ нашихъ бомбъ попала внутрь фрегата. Это, сколько можно было замѣтить, произвело на фрегатѣ безпорядокъ, и винтовой рыцарь поспѣшилъ выйдти изъ-подъ нашихъ выстрѣловъ. Однакожь, отступить ему было нелегко: по положенію фарватера, фрегату пришлось проходить еще мимо двухъ батарей, которыя не упустили случая пропизывать его ядрами и даже разбили впереди его шлюпку, шедшую для промѣра. Вечеромъ того же дня, при звукахъ похоронной музыки и салютѣ изъ орудій, спущенъ былъ съ фрегата баркасъ подъ чернымъ флагомъ и покрытый чернымъ брезентомъ: по этой обстановкѣ мы заключили, что онъ нагруженъ былъ убитыми. Баркасъ присталъ къ лѣсистому острову Стура-міэль-э (около четырехъ верстъ отъ Сандгамна). Спустя нѣсколько дней, люди, посланные изъ крѣпости за хворостомъ на этотъ островъ, нашли тамъ свѣжія могилы. Съ нашей стороны потеря въ томъ дѣлѣ была очень маловажна: убитъ 1 матросъ 25 флотскаго экипажа и легко ранены 4 человекъ (*).

Послѣ этого происшествія, въ первыхъ числахъ іюля, пришелъ въ наши шхеры винтовой корабль. Онъ бросилъ якорь недалеко отъ острова Реннера, находящагося близъ берега. Намъ

(* Телеграфическая депеша генералъ-адъютанта Берга, отъ 10 іюня 1855 года.

весьма хорошо было видно, что корабль дѣлалъ промѣры, посылая по всѣмъ направленіямъ шлюпки (разумѣется, внѣ крѣпостныхъ выстрѣловъ), почему и можно было заключить, что онъ повѣрялъ прежнія рекогносцировки. Черезъ нѣсколько дней присоединились къ нему два парохода и три канонирскія лодки, и, въ то же время, къ Стура-міэль-э пришли еще два корабля. Такимъ образомъ, въ виду Свеаборга собралась эскадра изъ восьми судовъ. Въ слѣдующіе затѣмъ дни, канонирскія лодки безпрестанно ходили въ море и возвращались къ эскадрѣ; прочія суда заняты были промѣрами. Эта эскадра находилась отъ крѣпости не ближе пяти верстъ, считая разстояніе отъ передовыхъ нашихъ верковъ. Прошло еще нѣсколько дней, и 25 іюля Свеаборгъ былъ удивленъ густымъ дымомъ, показавшимся, въ пятомъ часу по полудни, на горизонтѣ. Мы инстинктивно ожидали «чего-то», и вскорѣ всѣ высоты, всѣ крыши, вообще всѣ мѣста, откуда можно было обозрѣвать заливъ, были заняты любопытными, передъ глазами которыхъ раскрылась, дѣйствительно, живописная картина: 75 судовъ стремились къ крѣпости по разнымъ направленіямъ.

Изъ телеграфической депеши командующаго войсками, расположенными въ Финляндіи, генераль-адъютанта Берга, отъ 25 же іюля, читатели газетъ узнали, что весь этотъ флотъ пришелъ отъ Наргена и состоялъ изъ 10 кораблей (одинъ изъ нихъ, «Герцогъ Веллингтонъ», подъ бѣлымъ адмиральскимъ флагомъ Дондаса), 6 фрегатовъ, 7 пароходовъ, 4 пловучихъ французскихъ батарей, 2 корветовъ, 1 брига, 1 шкуны, 16 бомбардъ, 23 канонирскихъ лодокъ, 2 яхтъ и 3 транспортовъ. Никогда еще на водахъ Свеаборга не сосредоточивалось такого множества военныхъ судовъ, и, слѣдовательно, не удивительно, что, во время ихъ прибытія, не только гарнизонъ крѣпости, но и жители Гельсингфорса вызваны были на побережье любопытствомъ посмотреть небывалое зрѣлище. Чтобы яснѣе понять расположеніе непріятельскаго флота передъ Свеаборгомъ и дѣйствіе его во время бомбардированія, необходимо сдѣлать сперва очеркъ тамошней мѣстности. Финскій заливъ, по обѣ стороны гельсингфорскаго полуострова, врѣзывается въ берегъ двумя бухтами, почти на одинаковое протяженіе по направленію къ сѣверу. Обѣ бухты отдѣлены отъ залива грядами острововъ, расположенными въ нѣсколько линій.

Въ ближайшей къ Гельсингфорсу линіи находятся: Стура-

Рентанъ (Большой островъ потроховъ), Лонгернъ, Вестеръ-свартъ-э, Варгъ-энь, Густавсъ-вердъ, Сканделандъ, Кунгсъ-гольмъ и Сандгамнъ, который, посредствомъ острова Дегеръ-э, соединяется съ материкомъ. Между Вестеръ-свартъ-э, Варгъ-эномъ, Густавсъ-вердомъ и Скандсландомъ лежатъ, со стороны рейда, еще два большихъ острова: Стура-эстеръ-свартъ-э и Лилла-эстеръ-свартъ-э. За ними, почти въ срединѣ рейда, находится нѣсколько удаленный островъ Лоннонъ. Всѣ эти острова, въ сложности, за исключеніемъ Стура-Рентана и Лоннона, составляютъ крѣпость Свеаборгъ и укрѣплены по современнымъ требованіямъ науки ⁽¹⁾. Для усиленія же ихъ обороны, въ проходахъ, были поставлены два корабля и фрегатъ: между Лонгерномъ и Вестеръ-свартъ-э—двухдечный корабль «Лезекиль», между Густавсъ-Вердомъ и Скандсландомъ—трехдечный корабль «Россія», а между Кунгсъ-гольмомъ и Сандгамномъ — фрегатъ «Цесаревичъ». Прочіе проходы оборонены отдѣльными батареями и другими постройками. Въ добавокъ къ этому, вся береговая часть, смежная съ Гельсингфорсомъ, защищена цѣлою линіею батарей. На случай атаки, каждый островъ имѣлъ отдѣльнаго начальника, и, сверхъ того, вся оборонительная линія была раздѣлена, по управленію обороной, на три части: правый флангъ, къ которому принадлежали Друмсъ-э ⁽²⁾, Стура-Рентанъ и береговыя батареи, находился подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Рамзая ⁽³⁾; центръ, заключавшій острова Лонгернъ, Вестеръ-свартъ-э, Лилла-эстеръ-свартъ-э, Стура-эстеръ-свартъ-э, Варгъ-энь, Густавсъ-вердъ, Сканделандъ и Кунгсъ-гольмъ, былъ въ вѣдѣніи исправляющаго должность свеаборгскаго коменданта, инженеръ-генералъ-лейтенанта Сорокина; лѣвый флангъ, въ которомъ находился обширный островъ Сандгамнъ, состоялъ подъ командою генералъ-лейтенанта Гильденштуббе ⁽⁴⁾. Сверхъ того, суда, поставленные въ проходахъ, состояли подъ начальствомъ контръ-адмирала Шихманова, а вся

(1) Стура-Рентанъ, съ построенною на немъ Николаевскою батареею, принадлежитъ къ тесемъ береговыхъ батарей города Гельсингфорса; Лоннонъ — безъ укрѣпленій. А см.

(2) Друмсъ-э, какъ сказано ниже, принадлежитъ ко второй линіи острововъ, хотя и находится вблизи материка. А см.

(3) Нынѣ генералъ-адъютантъ, командиръ Отдѣльнаго Гренадерскаго корпуса.

(4) Нынѣ генералъ-адъютантъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи

крѣпостная и береговая артиллерія—въ распоряженіи Свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіора Баранцова. Главный же надзоръ за всею оборонительною линіею командующій войсками, въ Финляндіи расположенными, генераль-адъютантъ Бергъ, принялъ на себя.

Далѣе, впереди первой линіи острововъ, идетъ другая, въ разстояніи отъ этой первой отъ трехъ до четырехъ верстъ; во второй линіи, острова расположены въ слѣдующемъ порядкѣ, считая отъ гельсингфорскаго берега: Друмст-э, Міэль-э, Реншеръ, грунца шхеръ въ нѣскольکو рядовъ и подъ разными названіями: Грохара, Лохаренъ, Торо-міэль-э, Стура-міэль-э, и далѣе другіе, о которыхъ мы не упоминаемъ потому, что они не важны для нашего разсказа. За этой-то второй линіей острововъ, начиная отъ Реншера до Грохара, выстроился англо-французскій флотъ, выдвинувъ впередъ бомбарды, пловучія батареи и канонерскія лодки; кромѣ того, два восьмидесяти-пушечныхъ корабля, стоявшіе противъ Сандгамна, и присоединившійся къ нимъ фрегатъ построились также въ боевую линію.

26 и 27 іюля, флотъ не предпринималъ никакихъ дѣйствій противъ крѣпости; но, судя по боевому порядку, въ которомъ онъ стоялъ, намѣренія союзниковъ были уже намъ ясны. Поэтому инженеръ-генераль-лейтенантомъ Сорокинымъ приняты были всевозможныя мѣры предосторожности.

Настало утро 28 числа. Пишущій это находился въ то время на Скандсландѣ. По обязанностямъ службы, мнѣ было необходимо встать очень рано и обойти нѣкоторыя батареи; затѣмъ я поднялся на телеграфъ, подлѣ котораго выстроена такъ называемая Возвышенная батарея, на скалѣ, имѣющей до 15 сажень высоты надъ уровнемъ моря. На телеграфѣ, въ то время, былъ Корпуса Флотскихъ Штурмановъ прапорщикъ С*, который предложилъ мнѣ посмотрѣть на пароходъ, присоединившійся къ флоту. На носу, кормѣ, трубахъ и кожухахъ этого парохода написанъ былъ бѣлою краскою 113 номеръ. Послѣ этого мы занялись разсматриваніемъ всѣхъ судовъ флота и въ особенности прекраснаго корабля «Веллингтонъ», который, кромѣ адмиральскаго флага на гротъ-брамъ-стенгѣ, отличался отъ прочихъ судовъ еще бѣлою трубою. Было съ небольшимъ семь часовъ утра. Вдругъ на палубѣ «Веллингтона» показалась струйка сѣроватаго дыма, потомъ грянулъ выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ снарядъ зажужжалъ въ воздухѣ. Мгновенно мы обернулись къ крѣ-

пости: бомба упала въ проливъ между Варгъ-эноуъ и Стура-эстеръ-свартъ-э, почти подлѣ Комендантскаго моста, гдѣ разорвалась, поднявъ цѣлый фонтанъ воды. Вслѣдъ за этою вѣстницею начатія дѣла, бомбарды, пловучія батареи и канонирскія лодки открыли жесточайшій огонь. Первые выстрѣлы непріятеля были направлены на острова Вестеръ-свартъ-э и Лонгернъ, корабль «Иезекиль» и часть батарей праваго фланга: Николаевскую, на Стура-Рентанъ, Ульрикасборгскую и земляную № 1, на гельсингфорскомъ берегу. Затѣмъ уже началось общее дѣйствіе и по другимъ частямъ Свеаборга. Но и у насъ вмгъ по всей оборонительной линіи загремѣли призывные барабаны и трубы, и дежурная прислуга начала дѣйствовать изъ орудій. Оставивъ телеграфъ, я поспѣшилъ къ своему посту. Путь, которымъ я слѣдовалъ къ мѣсту, былъ осыпаетъ бомбами, разрывавшимися съ ужаснѣйшимъ трескомъ. Стоило посмотрѣть, въ это время, на окрестность: голая скалы и батареи Скандсланда и верки прочихъ острововъ крѣпости покрылись бѣгущими къ своимъ мѣстамъ солдатами. Звуки тревоги, лопанье непріятельскихъ бомбъ, гулъ крѣпостныхъ выстрѣловъ,—все это дополняло эффектъ боевой картины. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ первой бомбы, брошенной съ «Веллингтона», бомбардированіе было уже въ полномъ разгарѣ. Около десяти часовъ утра, вспыхнули пожары на Лилла-эстеръ-свартъ-э и Стура-эстеръ-свартъ-э, и затѣмъ непріятель сталъ дѣйствовать преимущественно по центру Свеаборга. Союзники хотѣли воспользоваться дальностію полета своихъ снарядовъ и, по возможности, не подвергаясь нашимъ выстрѣламъ, сжечь крѣпостныя зданія. Въ самомъ дѣлѣ, непріятель успѣлъ въ своемъ намѣреніи, потому что въ крѣпости было нѣсколько деревянныхъ домовъ и высокихъ каменныхъ строеній безъ сводовъ. Генералъ-адъютантъ Бергъ, съ самаго начала боя, приказалъ отвѣчать только тѣмъ изъ нашихъ батарей, къ которымъ непріятельскія суда будутъ приближаться на вѣрный пушечный выстрѣлъ. Такое приказаніе было исполнено по всей оборонительной линіи съ примѣрнымъ хладнокровіемъ и стойкостію. Напрасно нѣкоторыя суда приближались къ крѣпости для афилированія ея линій: наши выстрѣлы каждый разъ заставляли ихъ отходить, нанося имъ значительныя поврежденія. Въ особенности въ этомъ случаѣ отлично дѣйствовали острова Скандсландъ и Кунгсъ-гольмъ—съ одной стороны, и Николаевская батарея, Лонгернъ и корабль «Иезекиль» — съ другой

Множество обломковъ, приносимыхъ волнами къ нашимъ берегамъ, паруходъ, оттаскивавшій подбитыя канонирки на буксирѣ, подниманіе черныхъ флаговъ на тѣхъ судахъ, въ которыя попадали наши каленыя ядра и бомбы, — все это свидѣтельствовало, что бомбардированіе непріятелю не обходится даромъ.

Между тѣмъ, пожары съ каждою минутою усиливались, и къ 11 часамъ утра большая часть внутреннихъ строеній крѣпости была объята пламенемъ, надъ которымъ клубились черныя облака дыма. Едва загоралось гдѣ нибудь зданіе, непріятель тотчасъ же усиливалъ огонь по тому направленію, такъ что самое быстрое и отважное дѣйствіе пожарныхъ командъ не могло остановить разливавшагося по крѣпости огненного моря.

Въ исходѣ 12 часа утра, отъ удачно пущенной непріятельской бомбы, въ Густавсъ-вердѣ раздался страшный взрывъ, и конусообразный столбъ дыма показался надъ укрѣпленіемъ. Затѣмъ послѣдовалъ продолжительный громъ съ перекатами, похожій на батальный огонь орудій большого калибра, и Густавсъ-вердъ скрылся совершенно въ облакѣ дыма. Непріятель, въ предположеніи, что имъ взорванъ большой пороховой погребокъ, который, конечно, былъ въ силахъ уничтожить и самый Густавсъ-вердъ, прекратилъ навремя канонаду (*). Съ залива къ намъ донеслись клики восторга, который, разумѣется, былъ замѣненъ удивленіемъ, когда дымъ разсѣялся, и глазамъ непріятеля снова предсталъ Густавсъ-вердъ, столь же грозный и неприступный, какъ былъ до взрыва. Впослѣдствіи оказалось, что взорваны были четыре незначительныхъ бомбовыхъ склада, въ видѣ пирамидъ, сложенныхъ еще при шведскомъ владѣніи. Но особенною для насъ счастію, этимъ взрывомъ не сдѣлано никакого вреда окружающимъ веркамъ, и даже потеря въ людяхъ, благодаря волнистой мѣстности, ограничилась однимъ убитымъ и тремя ранеными нижними чинами.

Въ половинѣ перваго часа по полудни, непріятель открылъ наступательныя дѣйствія противъ нашего праваго фланга: два фрегата и корветъ приблизились къ острову Друмсъ-э и, ставъ на якорь у юго-западной его стороны, въ разстояніи менѣе версты отъ берега, открыли пальбу сначала по телеграфу, а потомъ и по другимъ частямъ острова, стрѣляя непрерывными залпами. Подъ прикрытіемъ этой канонады, атакующій нѣсколько разъ

(*) Пороховой погребокъ находился не дагѣе, какъ въ 50 саж. отъ мѣста взрыва. Асм.

посылалъ баркасы съ десантомъ, для занятія Друмсъ-э; но штудерный и ружейный огонь изъ-за ложементовъ, устроенныхъ по берегу острова, встрѣчалъ его такимъ мѣткимъ, губительнымъ дѣйствіемъ, что наконецъ заставилъ непріятеля отказаться отъ своихъ покушеній. Въ два часа по полудни, непріятельскія суда прекратили пальбу по Друмсъ-э и отошли за островъ Міалькъ-э.

Почти въ то же время, на лѣвомъ нашемъ флангѣ два корабля и фрегатъ, стоявшіе противъ Сандгамна, начали наступленіе; но перекрестный огонь сандгамнскихъ и кунгсъ-гольмскихъ батарей и фрегата «Цесаревичъ» нанесъ имъ столько поврежденій, что они не повторяли уже нападенія и, отойдя изъ-подъ выстрѣловъ, занимались починкою во все остальное время бомбардированія крѣпости.

Корабль «Россія», поставленный между Густавсъ-вердомъ и Скандсландомъ, для продолжнаго обстрѣливанія главнаго фарватера, находился на продолженіи всѣхъ выстрѣловъ, направляемыхъ съ разныхъ сторонъ въ крѣпость и на островъ Скандсландъ, и потому весьма много страдалъ во все время бомбардированія. Непріятельскія бомбы, пробивая его деки, разрывались внутри корабля и, кромѣ вреда людямъ, зажигали его палубы. Одна изъ бомбъ, упавъ надъ крѣпостью-камойрой, не дошла до пороха только на свинцовую обшивку. Корабль могъ бы взлетѣть на воздухъ, еслибъ распорядительность командира его и самоотверженіе корпуса морской артиллеріи подпоручика Попова не спасли его въ ту рѣшительную минуту. Неустрашимый подпоручикъ Поповъ, тотчасъ послѣ взрыва бомбы, бросился въ крѣпость-камойру и, съ помощію находившейся тамъ прислуги, потушилъ пожаръ (*). Между тѣмъ, бомбы не переставали сыпаться на «Россію», и какъ, по своему положенію, этотъ корабль могъ участвовать въ дѣлѣ только малою частію своихъ орудій, то, спустя 17 часовъ послѣ начала бомбардированія, приказано было отвести его на рейдъ и поставить въ безопасномъ мѣстѣ.

Около 8 часовъ вечера бомбардированіе стало понемногу утихать, но, по наступленіи темноты, возобновилось съ новою си-

(*) Говорятъ, спасенію корабля «Россія» отъ взрыва чудеснымъ образомъ способствовалъ образъ св. Николая Чудотворца. Для успокоенія матросовъ, онъ былъ положенъ на крѣпость-камойру. Бомба, упавъ на образъ, славила серебряный окладъ его и, сдѣлавъ поврежденіе въ потолокъ каморы, не успѣла дойти до пороха только на толщину внутренней свинцовой обшивки, какъ сказано выше.

лою. Къ разрушительному дѣйствию бомбъ непріятель присоединилъ еще дѣйствіе ракетами, которыя, какъ огненные метеоры, перерѣзывали воздухъ и падали преимущественно туда, гдѣ ослабѣвало пламя пожара. Эту необыкновенную, грозную и величественную ночь, конечно, не забудетъ никто изъ бывшихъ, въ то время, въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ. Вся окрестность была ярко освѣщена на пространствѣ нѣсколькихъ верстѣ. Противъ насъ вытягивались боевыя линіи враждебнаго флота, дышавшаго огнемъ и смертоносными выстрѣлами; объятая пламенемъ крѣпость отражалась въ зеркалѣ прибрежныхъ водъ; надъ головой нашей висѣло густое зарево пожара, сквозь которое не видно было ни одной звѣздочки... Отъ зарева небосклонъ казался кровавымъ; нельзя было отыскать глазомъ направленія, по которому не неслись бы губительные снаряды. Громъ крѣпостныхъ и непріятельскихъ орудій, жужжаніе летящихъ и трескъ лопающихся снарядовъ, визгъ осколковъ, — все это, слившись вмѣстѣ, походило на вой грознаго, необычайной силы урагана.

Часу во второмъ по полуночи, непріятель открылъ огонь съ земляной мортирной батареей, построенной имъ еще въ ночи на 28 число, на скалѣ Лонгернъ, и направилъ выстрѣлы съ нея преимущественно противъ центра нашей оборонительной линіи (*). Бомбардированіе приняло еще большіе размѣры, и долга была для насъ кровавая ночь, порождавшая съ каждымъ часомъ новые ужасы. Вотъ на востокѣ появились первые лучи восходящаго солнца, и дневной свѣтъ, — особенно отрадный для насъ въ то время, — озарилъ окрестность. Но бой гремѣлъ по всей оборонительной линіи, какъ и въ первое утро. Въ 10 часу утра загорѣлась крыша на одномъ изъ густавсъ-вердскихъ капонировъ, въ которомъ хранились снаряженные бомбы и заряды. Опасность пожара грозила всему Густавсъ-верду, и только распорядительность инженеръ генераль-лейтенанта Сорокина отвратила неминуемое бѣдствіе. Замѣтивъ пламя на капонирѣ, онъ тотчасъ вызвалъ охотниковъ для тушенія пожара. Офицеры, окружавшіе ге-

(*) Скала Лонгернъ лежитъ въ группѣ шхеръ второй вышеприведенной нами линіи, въ крѣпостнаго пушечнаго (изъ орудій, отлитыхъ до начала минувшей войны) выстрѣла. Отдаленіе и темнота ночи не позволили крѣпости воспрепятствовать этой работѣ, произведенной непріятелемъ изъ фашинъ, земляныхъ мѣшковъ и другихъ привозныхъ матеріаловъ. Англичане называютъ эту батарею *Абрахамовою*; но они ошибаются, принимая скалу Лонгернъ за скалу *Абрахамсъ-гольмъ*, лежащую отъ нея неподалеку (см. оффиціальное доведеніе генераль-адъютанта Берга). Асм.

нерала Сорокина на Цистернской батарее, первые подали примѣръ непоколебляющейся рѣшимости въ исполненіи своего долга. За ними послѣдовали солдаты, и, несмотря на жестокайшій огонь, направленный въ это время исключительно по капониру, крыша его мгновенно была разобрана и пожаръ остановленъ. Здѣсь въ особенности отличился фейерверкеръ артиллерійскаго гарнизона Михѣевъ, первый вскочившій на крышу капонира (*).

Весь этотъ день бомбардированіе продолжалось съ прежнею силою. Непрiятель, обстрѣливая нашъ правый флангъ, повредилъ телеграфъ на Друмс-э и нѣсколько разъ зажигалъ дѣла на этомъ островѣ. На лѣвомъ же флангѣ нашихъ укрѣпленій атакующій ограничивался одними прожѣрами, для чего спущено было имъ нѣсколько шлюпокъ. Однако, наши батареи не позволяли его шлюпкамъ подходить съ Сандгамну ближе пушечнаго выстрѣла.

Ночь съ 29 на 30 число сопровождалась тѣми же явленіями, какъ и предыдущая. Неутомимостію управлявшаго тогда свеаборскою инженерною командою, инженеръ штабсъ-капитана Верещинскаго (**), и прочихъ инженеровъ, окончены, въ эту ночь, всѣ работы по утолщенію насыпей надъ пороховыми погребамъ, начатыя еще за день до бомбардированія. Ихъ же стараніемъ устроены прочные блиндажи надъ тѣми зарядными ящиками, которыхъ не успѣли прикрыть до начала дѣла. Принятіе этихъ мѣръ предосторожности имѣло важное нравственное вліяніе на гарнизонъ: оно сдѣлало всѣхъ увѣреннѣе въ безопасности отъ непрiятеля и въ собственныхъ силахъ.

На разсвѣтѣ 30 іюля, бомбардированіе стало постепенно ослабѣвать и къ 5 часамъ утра совершенно утихло. Непрiятель, повидимому, собирался начать его съ новою силою, потому что увеличивалъ свою батарею на скалѣ Лонгернъ. Видя это, мы ожидали, что, день за день, дѣло дойдетъ наконецъ до штурма. Всѣ искренно желали въ бою помѣряться съ атакующимъ. Наши солдаты, кромя находившихся на батареяхъ, замѣтно томились бездѣйствіемъ. Любопытно было послушать тогда спо-

(*) Михѣевъ былъ награжденъ за этотъ подвигъ знакомъ военнаго ордена.

(**) За контузію инженеръ-подполковника Пасыпкина, полученною имъ въ первый день дѣла, завѣдываніе инженерною командою поручено было инженеръ штабсъ-капитану Верещинскому. Въ официальномъ донесеніи онъ помѣщенъ въ числѣ особенно отличившихся. Лет.

койный и молодецкій говоръ, такъ отлично характеризующій русскаго солдата.

Между тѣмъ, 30 іюля прошло очень спокойно, и только ночью на 31 число брошено было непріателемъ нѣсколько ракетъ на острова Скандсландъ и Кунгсъ-гольмъ, не сдѣлавшихъ, впрочемъ, никакого вреда. 31 іюля, утромъ, непріатель сталъ поднимать свои шлюпки, а послѣ полудня срылъ и мортирную батарею. Эти дѣйствія чрезвычайно насъ удивили. Не было уже никакого сомнѣнія, что бомбардированіе прекратилось. Дѣйствительно, 1 августа, въ 8 часовъ утра, осаждающій снялся съ якоря и ушелъ въ море. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Итакъ, многочисленный флотъ, безъ умолку бомбардировавшій Свеаборгъ въ продолженіе 45 часовъ, не сдѣлалъ рѣшительно ничего важнаго. Если у непріателя не было другой цѣли, какъ только сжечь крѣпостныя зданія, то успѣхъ въ этомъ предпріятіи, по существу своему, не стоитъ вниманія. Отъ разрушенія зданій крѣпость не потеряла нисколько, потому что, при нынѣшнихъ военныхъ требованіяхъ, ихъ и безъ того пришлось бы, въ скоромъ времени, замѣнить новыми. Не имѣя сводовъ, они не могли быть ни хорошими оборонительными казармами, обыкновенно назначаемыми, кромѣ обороны, и для помѣщенія гарнизона, ни надежными хранилищами военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Что же касается собственно до крѣпости, то, усовершенствованная по новѣйшимъ требованіямъ военнаго искусства, она осталась невредимою. А, между тѣмъ, въ нее и въ береговыя батареи направлена была *двадцать-одна тысяча выстрѣловъ*, «по приблизительному и самому умѣренному разсчету», какъ сказано въ подробномъ донесеніи генералъ-адъютанта Берга. Сравнительно съ такимъ множествомъ брошенныхъ въ крѣпость снарядовъ, и самая потеря въ людяхъ была у насъ, можно сказать, ничтожна. Въ двое сутокъ убито: нижнихъ чиновъ 55, ранено и контужено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 199. Такую ограниченную потерю въ людяхъ генералъ-адъютантъ Бергъ приписываетъ благоразумной распорядительности гг. частныхъ начальниковъ, пользовавшихся всѣми прикрытіями, какъ естественными, такъ и искусственными. Донося о бомбардированіи Свеаборга, онъ, между прочимъ, говоритъ: что «въѣренныя ему войска Его Императорскаго Величества, отъ начальниковъ до послѣдняго солдата, исполнили свою обязанность съ тою стойкостію и мужествомъ,

которыя всегда отличаютъ русское войско». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти двое сутокъ обошлись осаждающему также недешево. Кромѣ значительной стоимости снарядовъ, бомбарды его, на которыхъ помѣщались огромныя мортиры, отъ собственной стрѣльбы пришли въ негодность; въ стѣнахъ ихъ, расшатавшихся отъ безпрестанныхъ сотрясеній, образовалась течь. Въ добавокъ къ этому, нѣкоторыя мортиры были разорваны въ самомъ началѣ дѣла. Нѣкоторыя изъ канонирскихъ лодокъ, дѣйствовавшихъ на ходу, были подбиты; корабли, стоявшіе противъ Сандгамна, значительно повреждены, о чемъ можно судить по большимъ обломкамъ, принесеннымъ къ нашимъ берегамъ. Вѣроятно, и уронъ въ людяхъ у непріятеля былъ не такъ маловаженъ, какъ писали сами Англо-Французы (*); потому что дѣйствіе тѣхъ изъ нашихъ бомбъ и каленыхъ ядеръ, которыя врѣзывались въ борты судовъ, не ограничивалось же одними корабельными поврежденіями, а такихъ ядеръ и бомбъ было немалое число. Наконецъ, неоднократныя покушенія непріятеля свезти десантъ на Друмсъ-э, продолжавшіяся почти три часа сряду и встрѣчаемыя каждый разъ на близкомъ разстояніи штуцернымъ огнемъ, не могли обойтись атакующему безъ чувствительной потери. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ отступленіе громаднаго флота свершилось, мы еще съ большею любовью и гордостію стали смотрѣть на нашъ неприступный Свеаборгъ, и странно было намъ читать отзывы иностранныхъ газетъ о блистательномъ будто бы для союзниковъ дѣлѣ его бомбардированія.

М. МИХАЙЛОВЪ.

С.-Петербургъ.
25 апрѣля 1860 г

(*) По ихъ показанію, 33 человекъ. «Морской Сборникъ» 1855 года, отд. II. Смѣсь. Асм.